

С (44В)
К 3-67
19258+К

ВАСИЛИЙ ЭНТИП

КЕНОС
ДРАЖИВА

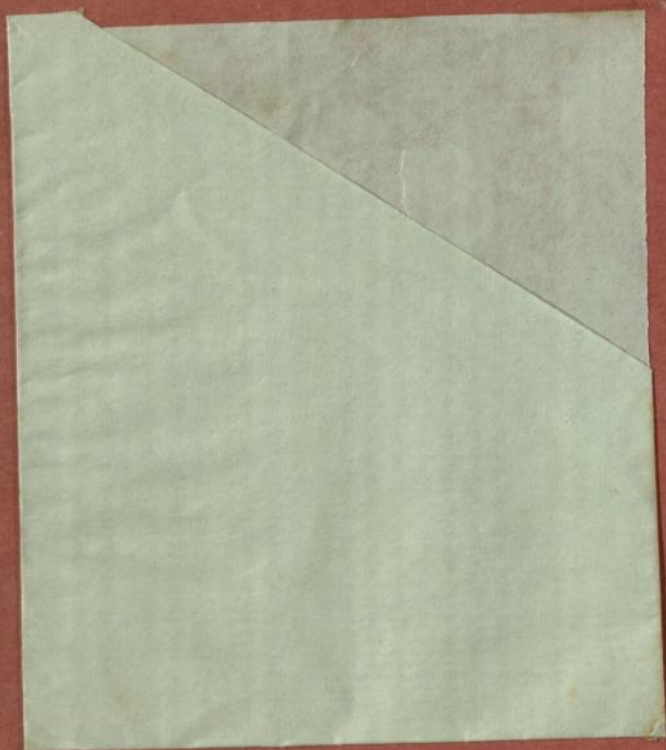
С (Чув.) 2
Э 64

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

КПК. Зак. 2248. Тир. 80 млн.

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

К. С. (Чув)
Э67

ВАСИЛИЙ ЭНТИП

g/x

ПРОВЕРИТЬ ИЛИ *fy*

Чувашское книжное издательство
Чебоксары — 1977

Обязат. экз.

ЧУВАШСКИЙ
КОМЪ
ДЕТСТВО

Б 9258-к

Чувашская
республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. ГОРЬКОГО

Ах, мир воспоминаний! Край родной!
Там детства нескончаемая сказка,
Оттуда зов свирели озорной,
Там плач сырная, колыбельной ласка.
Клич петуха, как колокола звук,
Дождь солнечный, как вечный танец, длится.
Крылатый конь, как незабываемый друг,
Из дальних лет ко мне навстречу мчится.
Как пламя, грива гордая горит,
И крылья, словно молнии, сверкают,
Волнообразен иноходи ритм,
Копыта цокают и искры высекают.
О, конь крылатый детства, Сильзюнат!
О, ветрокрылый! Как мечтал, бывало,
Я с ним дружить! Как дружит с братом брат.
Любовь к нему мне душу опаляла.
Ах, муки детства так сладки теперь!
Земля родная — мир воспоминаний.
Веселого кудесника свирель
Зовет туда, в даль сказочных преданий.

Вот памяти моей заглавный лист.
Конь, серый в яблоках. Как ржет нетерпеливо!
Отец мой в остром шлеме. — Эй, держись!
Пошел, родной! — он говорит. — Счастливо!
Взрезая с песней снега серебро,
Едва узорные рванулись сани,
Отец мне вожжи передал: — Добро!
Учись: конем мужчины правят сами!
Как в сказке, пар клубится из ноздрей.
Он не бежит — летит, скакун крылатый.
Мир памяти... Зарницы у дверей.
Как высоко летали мы когда-то!
Как наяву, я вижу сон второй:
Наш дом. Поют и плачут при народе
Соседи, гости. «Слышишь ли, родной, —
Мне говорят, — отец на фронт уходит.»
Как бородой лицо он мне обжег!
И до сих пор тот колокольчик в поле
Зовет, и голос тот: «Ты жди, сынок».
Отец домой не возвращался боле...

Как ждал его! Как слушал я шаги,
 Как скрип колес рождал во мне тревогу,
 Как поездов ночных ловил гудки,
 До самой ночи глядя на дорогу!
 Он вновь и вновь в мои являлся сны:
 В шинели, в шлеме сядет к изголовью...
 Холодные зарницы той войны,
 Вы детство мне перечеркнули болью.
 Измучилась от ожидания мать:
 — Неужто духу смерти он достался?
 Могилы воинов... Отца не разыскать.
 Он в памяти таким живым остался!
 «Коль сын мужчиной станет на земле —
 В его груди я буду сердцем биться», —
 Ветлы могучей — родовой — в дупле
 Я два его письма хранил — две птицы.
 И, как птенец, учившийся летать,
 На бронзовые ветки я взбирался,
 В тех письмах про себя найти старался —
 Так научился по слогам читать.

Для прадедов моих коней табун
 Был лишь мечтой, былинной, вековой.
 И легкокрылый сказочный скакун
 Лишь в песнях мчался степью зоревою.
 Но счастье кривоглазое порой
 И прадеду улыбку посылало:
 — Купил коня — теперь конюшню строй...
 И конники-батыры в бой, бывало,
 Летели! И незваную орду
 Громили рядом с русскими, как братья.
 С Петром Великим вместе битву ту,
 Великую, вели со шведской ратью.
 На западе, от дома вдалеке,
 Француза били... Слава награждает
 Свободных духом — с саблей в руке
 Не потому ль досель Чапай летает?
 ...Как лошадей выхаживать умел,
 Отец мой! Сеял, жал, косил в лагунах.
 Пришла пора — безжалостен и смел,
 Фашистов встретил он, потомок гуннов.

...Надев отцовский островерхий шлем,
Коня мечты и я взнуздal однажды.
Как фыркал он! Как ржал он! Как затем
Летел он вдоль по улице отважно.
— Держись, фашист!— татарник и бурьян
Убиты наповал бойцом горячим.
Зеленым стал мой меч от вражьиx ран.
А конь мой — палка, он не настоящий...
И дед почтенный, видя этот бой,
Сурово прекратил мою забаву.
Он так сказал:— Брось палку, мальчик мой:
Нельзя играть в воинственную славу.
Таков обычай, прадедов запрет:
Они живых коней боялись сглазить.
— Ты на конюшне бы,— добавил дед,—
Помог коня отцовского образить.
Там — урхамах, конь твоего отца...
Хитрец! Откуда быть коню такому?
— Отец твой вырастил лихого жеребца.
В селе об этом знают все и помнят.

...Свет солнечный давным давно погас.
Искристый сумрак звезды пронизали.
А я мечтаю и за часом час
Ворочаюсь без сна на сеновале.
В который раз в мечте, как наяву,
Конь серый в яблоках, заржав нетерпеливо,
Промчался лугом, не примяв траву,
Прожег туманы пламенной гривой.
Во сне я снова вижу: мчится конь,
Как по суху, по морю голубому,
И ветерка прохладная ладонь
Его ласкает на лету с любовью.
Но тучи вдруг слетаются, мрачны.
Под ними — поле дикое сраженья.
Отца мой конь выносит из войны,
По радуге скача без напряженья...
Проснулся я в испуге. Но потом
Воды напился ключевой, спросонок.
Лицо ополоснул и — босиком
К конюшне поскакал, как жеребенок.

Конюшня за оградой из жердей
 Удобно на холме расположилась.
 Ширь синих рек, сквозная даль степей
 С вершины той моим глазам открылась.
 Простор лугов, гряды холмов и гор.
 Дымится даль... Достичь ли мне той чащи
 Лесной, которой мой коснулся взор,
 И той реки, за горизонт скользящей?
 Лежит село старинное вокруг:
 Курганы, ветлы, зорь далеких алость.
 Ах, Родина! Святого слова звук!
 Любовь к тебе в тот миг в душе рождалась.
 — Ты, Родина,— холмов крутой отвес,—
 Любуюсь я по-детски изумленно.
 — Ты, Родина,— голубизна небес,
 — Ты, Родина,— простор полей зеленых.
 Теплы природы утренние сны,
 Но будит лес зари прикосновенье.
 ...Гремит за горизонтом гром войны.
 Как вспомнишь — гаснет мир в одно мгновенье.

И вот конюшни деревянный сруб.
 Вхожу, робея. Но... что это значит?!
 Пустые стойла! Как же был я глуп!
 Дед пошутил. Стою и чуть не плачу.
 Я разозлился. Вспыхнул от стыда:
 Старик, а над мальчишкой посмеялся.
 Эх, если б рядом был отец! Тогда...
 Вдруг — за холмом знакомый звук раздался!
 Вот — тыпыр-тыпыр, тыпыр-тыпыр, тук!
 Стучат копыта, сердце вторит стуку.
 Вот ржание, как древней песни звук.
 Все ближе! Рядом! Я дрожу с испугу.
 — Да, брось! Ягненком не дрожи, чудак!—
 Спокойным я прикидываюсь срочно.
 Но сердце все колотится: тук-так!
 Как птенчик дятла с клювиком непрочным.
 Навстречу мчится бешеный табун.
 И серый в яблоках — вожак!— трубит трубою.
 Узнал! Гляди и радуйся! Скакун
 Мечты твоей летит перед тобою!

— Уж очень было тихо на реке.
 Клевала рыба. Так в ночном росисто!
 Блеснула рыба в желтом туюске
 У деда Хведера чешуйкой серебристой.
 Я насмотреться на коня не мог!
 Как выточены ноги прихотливо:
 На каждой — черный новенький чулок!
 Как аккуратно выстрижена грива.
 Грудь широка, и шея, как волна,
 Колышится. И голова прекрасна,
 Породиста, легка и некрупна.
 И лоб сверкает, словно он атласный.
 Как тело сжато, как бока стройны!
 Трепещут уши, ноги землю роют.
 А хвост седой. И угли глаз грустны
 И кажутся недобрыми порою.
 О, как же, как мне подружиться с ним?!
 Я сам бы стал ухаживать за другом.
 — Стань, конь крылатый, спутником моим,
 Промчимся детством, словно ровным лугом.

Я полюбил отцовского коня
 Так сильно, как ожившее преданье.
 А он за это полюбил меня.
 Бывало, кликнешь — мчит ко мне со ржаньем.
 Коню я пряник приносил тайком,
 Который мать пекла на праздник сыну.
 Расчесывал я гриву гребешком,
 К упругой шее лестницу придвинув.
 Я холил друга. Я его купал.
 Со свистом к водопою гнал речному.
 Я для него косил, ночей не спал,
 Что не под силу взрослому иному,
 Затем пододвигал к коню чурбак —
 Вот-вот и ногу на спину закину.
 И все не смел! И все не смел никак!
 И проклинал себя: Батыр из глины!
 — Останешься без крыльев — не лети
 До времени, — мне дед внушал сердечно.
 ...В тот год мне было около шести.
 Рос без отца. Потрушивал, конечно...

XI

Еще я помню: чистый небосклон —
 А мы уже в дороге! Рассветает.
 Наш Сильзюнат в телегу запряжен
 И мчит нас в лес, сухую пыль взметая.
 А там — поляна, солнце и трава.
 Цветы пропахли медом. Дед мой, косу
 Отбив, как полагается, сперва,
 Для урхамаха косит... Душно. Росно.
 Я, сколько сил хватает, подхватив
 Валки, в телегу травы убираю
 Иль только что родившийся мотив
 На тростниковой дудочке играю.
 Борщовника набрали, щавеля.
 Уставший дед долбит кремень кресалом.
 Я трушу — с воза так крута земля,
 Вдруг конь рванет и понесет — пропал я!
 А солнце греет, греет без конца.
 ...Лишь нет отца. В какой земле он дальней?
 Играет ветер гривой жеребца.
 Мне все светлей и как-то все печальней.

XII

Кто оседлает детскую мечту —
 Счастливей всех!.. Куда ты, ветер, дуешь?
 Мне каждый должен крикнуть за версту:
 — Как ловко ты на жеребце гарцуешь!
 Не трушу я! Летит мой урхамах
 Не через двор конюшни — через тучи.
 Я сам держу узду! Смотрите — как
 Мы оба с ним отважны и могучи!
 Хоть не дано умчать нам в облака,
 (Веревка крепкая в руках у деда,
 И он кричит:— Еще не срок пока!..),
 Но ты прекрасна, первая победа!
 Который круг, не помню, начал я,
 Когда настигло головокруженье.
 Как деготь потекла внизу земля.
 Как стыдно падать! Горько пораженье!
 А дед ворчит:— Ну, что ж, не повезло.
 Джигит не плачет. Да и нет причины.
 Ведь урхамах не бабье помело,
 С него порой слетают и мужчины.

Но в детстве время быстро лечит нас.
— А ну, джигит, собирайся-ка в ночное,
На Черемшан,— сказал мне как-то раз
С улыбкой дед,— поехали со мною.
Такой костер высокий разведем!..
И вот скачу на быстром урхамахе.
Тыпыр-тыпыр! гремит копытный гром.
А может, сердце бьется в сладком страхе?
Петь хочется! Но — молча я скачу,
Я радости стыжусь своей горячей:
Ведь там война!.. Я счастья так хочу —
Но стыдно ликовать в годину плача.
Но неподвластна жизнь моей тоске —
Ее уносит быстрокрылый ветер.
И вот верхом плыву я по реке,
Вот сказку слушаю. Костер крылат и светел!
Об урхамахе сказку говорит
Мне мудрый дед, о счастья высококом,
О том, как скачет в ночь улып-джигит...
Мой взор взлетает в небо, словно сокол.

Во мраке колокольчики звенят.
И душу что-то давит и тревожит.
И воют волки. И вокруг меня
Спит луг, во сне на кладбище похожий.
Табун все жметя к нашему костру,
Вожак пофыркивает настороженной,
И выпь рыдает где-то на юру.
Стихая, пламя бьет крылом сожженным.
Вдруг сполох вспыхнул, небо шевеля,
И что-то вдалеке зарокотало,
Как будто вдруг обрушилась земля.
Ужель война подходит?! Страшно стало.
И дед мой стонет жалобно во сне.
Боюсь — худое что-нибудь со старым.
Вскочил:— Э-э... гром... Да это в стороне.
Он нас не тронет: выдохся, устал он...
А утром, как углями из костра,
Жжет все нутро: желудок голод гложет.
Уже заря. Уже домой пора.
Мать молока оставила, быть может.

Что за голодная нам выпала весна!
 Но — да прославятся земли родимой недра!—
 Она свои открыла закрома:
 Грибы и ягоды нам подарила щедро.
 О, сок земли, горячий и живой!
 Не дал ты мне заледенеть в то лето.
 Смотрю вокруг: как золотой прибор,
 Поля волнуются. Как много будет хлеба!
 И лошади поправились. Глядишь,
 И все дела наладим понемногу.
 Вдруг дождь пошел. Шуршал он, как камыш.
 Шли тучи табуном через дорогу.
 Как в сказке изменился мир вокруг.
 Наверно, сенокос не состоится.
 Мать ягод не нарвет. Темнеет вдруг...
 Куда нам, конь, с тобою торопиться?
 Но вот открыло солнышко глаза,
 Улыбкой теплой радугу встречая.
 И засвистали птицы где-то за...
 За тучами, дождя не замечая.

— А лошади умны, как человек,—
 Дед поучает.— Знай, малыш, от века
 Коня в беде оставить тяжкий грех.
 Конь никогда не бросит человека.
 Знай, древо жизни есть у лошадей,
 Как и у нас есть пращурь седые.
 Глянь на табун! Каких здесь нет мастей!
 Есть вороные, сивые, гнедые...
 Вот карий — мчит, не путая тропы.
 Вот чистокровка — белоснежней снега.
 Вот серый в яблоках — оглобли бьет в щепы
 И трех волков перемахнет с разбега.
 Саврасый наш любую тянет кладь,
 А иноходец самый злой и быстрый,
 Во лбу — звезда, особенная статья.
 Его отец носил кавалериста.
 Ах, серый в яблоках! В его больших глазах
 Такая доброта, что мне казалось —
 Как в темно-синих чистых зеркалах,
 В них поле, лес и небо отражалось.

XVII

...А где-то все беснуется война.
До нас утраты новые доносит.
И скоро осень — так спешит она,
Как будто кто поторопиться просит.
...Раз колоски искали на стерне
Мы, безотцовщина, сироты. Вот поймает
Нас сторож — сразу палкой по спине:
Кто-кто, а он уставы строго знает!
Ползем ложбинками, как воры. Свет не мил!
Вдруг — всадник! Ближе! ближе! Вот затопчет!
Но конь, заржав, передо мной застыл.
Узнал меня?! Топтать меня не хочет!?
Ты, серый в яблоках?! Ты помнишь наш костер?!
Он — на дыбы, а всадник — под копыта.
Я — в лес. А он — за мной, все так же скор,
Все так же грива по ветру развита.
...Он будто чуял, что пора придет —
На фронт его возьмут: война же, знает...
И — конь отчаянно в вагоне ржет,
И дым тяжелый за холмами тает.

XVIII

Печально мы прощались. Как немой,
Он говорил глазами мне:— Прощайся!
Я отвечал:— Будь счастлив! И домой,
Пожалуйста, скорее возвращайся.
Я говорил:— Вдруг встретишь ты отца
И с поля смерти вынесешь живого?
Фашистов бей до самого конца,
Но возвратиться дай мне, милый, слово.
И — скрылся поезд. Смолк колесный стук,
Растаяли гудки за горизонтом.
А конь как будто за спиною вдруг
Заржал так явственно, призывно, звонко.
И вижу: в чистом поле, далеко,
Я жеребенка! В яблоках и — серый!
— Растет... Отца догонит он легко,—
Дед Хведер улыбается.— Не сетуй!
Ты, серый в яблоках! Мой новый друг!
Я выращу тебя в коня лихого.
И чтоб, вдыхая радостный испуг,
Нам в облаках с тобой купаться снова.

Ах, мир воспоминаний! Край родной!
 Там детства нескончаемая сказка,
 Оттуда зов свирели озорной,
 Там плач сырная, колыбельной ласка.
 Клич петуха, как колокола звук,
 Дождь солнечный, как вечный танец, длится.
 Крылатый конь, как незабываемый друг,
 Из дальних лет ко мне навстречу мчится.
 Как пламя, грива гордая горит,
 И крылья, словно молнии, сверкают.
 Волнообразен иноходи ритм,
 Копыта цокают и искры высекают.
 О, конь поэзии — крылатый Сильзюнат!
 О, ветрокрылый! Как мечтал, бывало,
 Я с ним дружить! Как дружит с братом брат.
 Любовь к нему мне душу опаляла.
 Ах, муки детства так сладки теперь!
 ...Земля родная — мир воспоминаний.
 Веселого кудесника свирель
 Зовет туда, в даль сказочных преданий.

**KEITH
DUPUIS**

Живой венок для вас, друзья, плету я
По древнему обычаю поэтов
И, славя дружбу нашу, песнь простую —
Иной венок! — слагаю из сонетов.

Я, словно урхамаха, в колесницу
Впряг солнце и помчал небесной синью.
Дарили мне цветы, светлели лица —
Никто меня не повстречал полыню.

Больших и малых братьев полюбил я,
И все края, и разные наречья.
Цвели цветы повсюду в изобилье
И, как друзья, тянулись мне навстречу.

Венок — ты символ нашей дружбы ясной!
Что может быть земных цветов прекрасней?

Что может быть земных цветов прекрасней? —
Лик Родины зажжен улыбкой нежной.
В твоём лесу, Россия, словно праздник,
Мне синеглазый встретился подснежник.

Я сплел бессмертник и ковыль с осокой,
Их перевил жгутом ромашки белой.
Для каждого народа ты особый
Цветок родить и вырастить сумела.

Твоя земля — наш отчий дом, Россия,
Мы черпаем в ней силу и свободу.
В ней дышат корни, крепкие, живые,
И моего древнейшего народа.

Здесь для венка друзей, а не впустую,
Творит природа красоту простую.

Творит природа красоту простую —
Вот Казахстан в торжественном уборе!
Здесь мглысты ночи, быстры речек струи
И медоносны утренние зори.

Залито небо беспредельной синью,
Как звезды горние, тюльпаны тлеют,
Холмы степей шуршат сухой полынью,
Табун ветров кумысным духом веет.

Акын небес — твой жаворонок — рано
Запел, и я с друзьями вышел в поле,
Под звон комуза музыки гортанной
Цветов охапку я собрал на воле.

Степной цветок, неповторимо красный,—
Тепло земли и солнца облик ясный.

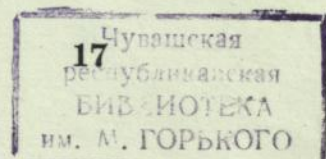
Тепло земли и солнца облик ясный
Зажглись в цветах Киргизии багряно.
Как горячи! Дотронуться опасно:
Они потухнут, лишь когда завянут.

Как полыхают маки и гвоздики!
Как аромат чабра здесь в даль струится!
Какой росой сверкают лилий лики,
И каждый венчик солнечно лучится!

— Что выбрать мне? — я спрашиваю друга.—
Лишить веночек малейшей краски жалко.
Передо мною — необъятность луга!
Начну, пожалуй, я с ночной фиалки.

В ее глазах вселенной свет морозный,
Снег молока, горячий иней звездный.

Б 9258-к

Снег молока, горячий иней звездный
Осели на цветы Таджикистана.
На льдистый пик взбираюсь ночью грозной —
К вершине чистой: что ж, пора настала!..

Теперь, паря над самой головой,
Созвездья и туманности дымятся.
Как фантастично ночью вековой
Над вековыми тучами подняться!

Космическое неземное чудо
В моей руке трепещущей зажато.
О, эдельвейс! Венец венка покуда.
О, дар друзей изысканно богатый!

Прощай, мой пик! Зовут к дороге трудной
Огни костров низины изумрудной.

Огни костров низины изумрудной
Кострами роз внезапно оказались.
Узбекистан одобрил путь мой трудный.
Его букет пылает всем на зависть:

Бутоны хлопка россыпью жемчужной,
И неньюфар, и мирт, нарцисс и астры...
Венок друзей дожди омоют дружно —
Слепой, и тот, воскликнет: — Что за краски!

Встал на дыбы мой урхамах небесный:
Туркменистан цветущий перед нами.
Своим глазам не верил я: чудесный
Здесь лотос цвел — цветок между цветами!

Пустыни желтой розовые гости —
Алмазов переливчатые грозди.

VII

Алмазов переливчатые грозди
Азербайджана расписали стены.
Здесь письма былых столетий грозных.
— Салам тебе, Кавказ благословенный!

Цветы в ущельях и на горных кручах.
Я к ним — они ко мне спешат с поклоном.
Я чувствую себя пчелой, поющей
В саду весеннем, влажном и зеленом.

Все для венка, в котором перевиты
Дым хризантем и факел черной астры.
И даже ветки старого самшита
По-своему душисты и прекрасны.

Не здесь ли родилась в бореньях трудных
Сама гармония в соцветьях чудных?

VIII

Сама гармония в соцветьях чудных
Здесь рождена — в снегах высокогорных.
А ветер пел: «Взгляни на маки, путник!
В них — кровь героев наших непокорных».

Гора седая, древняя сказала:
Что эти камни у ее подножья —
Сердца врагов... Досель теней немало
Блуждает в чужеземном бездорожье.

Но вдруг — вокруг опять земля другая.
Мой урхамах промчался через тучи.
Армения, мечтать мне помогая,
Раскинула ковер свой самый лучший.

— Мы россыпь звезд от путника не прячем,—
Дрожит роса на лепестке горячем...

Дрожит роса на лепестке горячем.
Росинка испариться не успела —
Горами Грузии уже мы скачем.
Цветов ковра коснуться б не посмела

Рука врага!.. Лишь другу он — награда!
Вплели горянки в мой венок медвяный
И лавра ветвь, и гроздья винограда.
Целебен дождь здесь, звонок воздух пряный.

Еще темнеет поздно, но уцуна *
Растет. Кура светлеет понемногу...
Пора, друзья, мне! Снова — в путь: в лагуну
Отсюда, с гор, неблизкая дорога.

Приносит ветер аромат далекий:
В долинах бродят теплой жизни соки.

* Горный цветок, расцветает за день до выпадения
снега.

В долинах бродят теплой жизни соки.
Привет Украины беленым хатам!
Она мне шепчет:— Гостем будь высоким!
Над входом — радуга узорным платом.

Спешу под нею к самым древним братьям,
Вхожу с поклоном — вижу: примеряют
Акации серебряные платья,
Фонарики каштаны зажигают.

— Прими меня, о край обетованный!
И ты в цветах! Все новые расцветки!
Предвестник счастья — огнецвет желанный
Срываю, как срывали наши предки.

И — в путь! Туда, где воздух так прозрачен,
Настой цветов целебный не растрочен.

Настой цветов целебный не растрочен —
Здесь винограда бесконечна сладость.
Влюбленностью к Молдавии охвачен,
«Салам тебе! — кричу. — Мухтав* за радость!»

Любуюсь и друзей моих нарядом —
Он, как венок, богат и многоцветен!
О, сколько здесь цветов прекрасных рядом!
Как Млечный Путь, дорога дружбы светит.

По ней вперед, мой урхамах крылатый!
Домчись до гор и встань, как изваянье.
И трепет жока будет лучшей платой
За дар друзей и как в любви признание.

Дождь вдохновения, земли бездонной соки...
Струятся ароматные потоки.

Мухтав — хвала тебе (чув.)

Струятся ароматные потоки.
Туманы над лесами задрожали.
Как будут нас благодарить потомки
За все цветы, спасенные в пожаре!

Бьет колокол, мне сердце разрывая.
О Беларусь — ты родина героев!
Живой венок прими, земля живая,
По всем концам страны он собран мною...

Опять прощанье. И опять поляны
Фонарики фиалок зажигают
И в мой венок, от ароматов пряный,
Светильники из ландышей вплетают.

Светите мне, покуда солнце брызнет!
Венок земных цветов — ты символ жизни.

Венок земных цветов — ты символ жизни.
Дар Латвии цветущей — бальзамины!
И другу, будто мраку в укоризну,
Литва левкой дарит из равнины.

Сиянье северное так похоже
На мой венок! Что ярче — сам не знаю.
В алмазах небо, но земные тоже
Цветы горят, как радуга дневная.

Янтарный флокс, озерная кувшинка
Спит, на волнах покачиваясь чутко...
В Эстонии есть синяя снежинка —
Незабываемая незабудка...

О, мой венок, сплетен ты не для тризны,
Ты — праздничный убор моей Отчизны.

Ты — праздничный убор моей Отчизны,
Венок, сплетенный из живых соцветий.
Страна моя — сама венок! Я в жизни
Прекраснее его еще не встретил!

Пятнадцать братьев, кровных, неизменных,
Пятнадцать звеньев и в венке едином.
Слиянье чувств и мыслей неразменных —
В венке сонетов, будто в сказе диво.

Не скажут мне мои другие братья:
— Нескромно говорить от всей России,—
Лишь потому дерзнул букет нарвать я,
Что все они меня о том просили.

Так славься, Родина, которую так чтю я!
...Венок в подарок для друзей плету я.

Венок в подарок для друзей плету я.
 Что может быть земных цветов прекрасней?
 Творит природа красоту простую —
 Тепло земли и солнца облик ясный.

Снег молока, горячий иней звездный,
 Огни костров низины изумрудной,
 Алмазов переливчатые грозди —
 Сама гармония в соцветьях чудных.

Дрожит роса на лепестке горячем.
 В долинах бродят теплой жизни соки,
 Настой цветов целебный не растрочен,
 Струятся ароматные потоки...

Венок земных цветов — ты символ жизни,
 Ты — праздничный убор моей Отчизны.

СОДЕРЖАНИЕ

Крылатый конь детства	2
Венок дружбы	14

Для младшего и среднего школьного возраста

Василий ЭНДИП

ВЕНОК ДРУЖБЫ

Поэмы

Перевод с чувашского
Надежды ГРИГОРЬЕВОЙ

Редактор *Егоров М. П.*

Художник *В. А. Смирнов*

Художественный редактор *А. А. Афиногенов*

Технический редактор *О. Ф. Волкова*

Корректор *Л. А. Иванова*

Сдано в набор 4/VIII-1977 г.

Подписано к печати 13/X-1977 г. Формат 60×90/8.

Бумага офсетная № 1. Физ. печ. л. 3.0.

Учетно-изд. л. 1,95. Заказ № 3948.

Тираж 50000 экз. Цена 15 коп.

Чувашское книжное издательство,

Чебоксары, пр. Ленина, 4.

Типография № 1

Управления по делам издательств,

полиграфии и книжной торговли

Совета Министров Чувашской АССР.

Чебоксары, Канашское шоссе, 13.

15 коп.

